

Банин

**ПАРИЖСКИЕ
ДНИ**

Перевод:
Бузудукиной Софы

qanun nəşriyyatı

В 1924 году писательница из Азербайджана прибывает на поезде на Лионский вокзал – и с этого момента все и начинается. Что ждет ее в первый, второй, третий год жизни в Париже? Первые знакомства, возникавшие финансовые трудности... Автор простым и изящным языком рассказывает о годах своей работы манекенщицей. Роман – история о том, как молодая восточная женщина пытается приспособиться к европейской жизни. В нем раскрываются ее самые сокровенные чувства и желания, в которых она боится признаться даже самой себе. В строках произведения сквозят тоска по родине, ностальгические чувства писательницы. Описывается и в целом жизнь эмигрантов, переселившихся из Российской империи во Францию. Несмотря на то, что роман автобиографический, он отражает ряд важных моментов эмигрантского существования.

Банин Парижские дни

Баку, Издательство Ганун, 2024, 264 стр.

Жанр: биографии и мемуары/научная литература

Возраст: 16+

Формат: 130x200

Обложка: мягкая

Подписано к печати: 12.07.2024

Издатель:	Шахбаз Худуоглу
Перевод:	Бузудукиной Софьи
Корректор:	Нателла Рустамова
Компьютерная верстка:	Рахилия Шамиль
Оформление обложки:	Рафаэль Гасым

Издательство Ганун

Победитель Стамбул Copyright Awards

Баку, Азербайджан, AZ1102, прос. Тбилиси, 76

Тел.: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18

Моб: (+994 55) 212-42-37

e-mail: info@qanun.az

www.qanun.az

[www.fb.com/Qanunpublishing](https://www.facebook.com/Qanunpublishing)

www.instagram.com/Qanunpublishing

ISBN 978-9952-38-991-3

© gris banal, éditeur 1990

© Издательство Ганун, 2024

Прибытие в обитель надежды

Восточный экспресс устремился туда – в место, где обитает надежда. С оглушительным ревом он несся по железнодорожным путям, перескакивая с одного на другой, словно молодая, необъезженная лошадь. На своем звонком языке металла он оповещал меня о том, что спасение и счастье приближаются, унося меня прочь из разрушенного, пребывающего в руинах мира четырех лет революции. Он вез меня в края, озаренные светом надежды. Еще четыре года назад, когда Кавказ был свободным, часть наших родственников перебралась сюда, а мы с отцом, министром Независимой Азербайджанской Республики, остались там, в своей стране. Потом пришли русские и снова захватили Кавказ. Отца арестовали за то, что он был богат, а я была вынуждена выйти замуж в пятнадцать лет. За все время этих кошмарных лет в самые безнадежные и тяжелые дни я находила убежище в мечтах о большом счастье, сбывшихся надеждах и победах, которые ожидают меня в будущем.

Раньше я не понимала, что означают решающие моменты в жизни человека. Теперь осознала, что это такое. Прямо в эти минуты поезд нес меня к распахнутым вратам рая. От волнения я не чувствовала тела, в горле пересохло, стучало в висках. Глядела на кипящую за окном жизнь, но от волнения не замечала неприглядные окрестности города. Видела лишь свои грезы. Я готовилась схватить свою желанную надежду и победу – и больше никогда не выпускать их из рук. Величайшая моя победа уже была со мной: я прибывала в обитель Надежды. Сначала я покинула Кавказ, затем, при помощи уговоров и лживых обещаний, мужа в Константинополе. Даже если бы он и хотел увидеть меня вновь, я его желания не разделяла. Не хотела видеть его больше никогда, пусть он и был такой же жертвой, как и я, – жертвой раздавивших нас исторических событий.

Купол Лионского вокзала принял поезд, словно крылом укрывая его в себе. Поезд стал сбавлять скорость и вот наконец остановился. Мое сердце чуть не остановилось вместе с ним. Мне казалось, что я вот-вот испущу последний вздох и умру. Но нет, я не умерла. И вот, пошатываясь и спотыкаясь, несмело схожу на перрон. Мне удастся устоять на ногах и, несмотря на слезы, застилающие глаза, я могу разглядеть своих родных. Меня встречают четверо: моя прекрасная мачеха Амина, сестры Зулейха и Марьям и зять Шамси, которого я терпеть не могу. Обняла всех по очереди и улыбнулась. В этот момент я ощущала такое счастье, что даже смерть не смогла бы меня лишиться этого. Но время шло, я все еще была жива, а слезы высохли. После объятий все принялись болтать и смеяться. На меня обрушился шквал вопросов, но я отвечала на них отрывисто и коротко. Первый прилив эмоций прошел, и теперь я стыдилась своей

минутной слабости. В нашей семье с неудовольствием воспринимали проявление эмоций, предпочитая им холодную сдержанность. К тому же в присутствии нашего зятя Шамси, человека, известного своими жестокими шутками, не следовало вести сердечные беседы. Он вертел что-то в руках, поддразнивал меня, пытаясь уколоть – я чувствовала, что он готовится пустить в ход свой ядовитый язык. Отпуская едкие комментарии в мой адрес, он стал критиковать тюрбан, который я повязала на манер турчанок, мой дешевый костюм, купленный еще в Константинополе, мои походку и манеры провинциалки. В конце концов он ткнул пальцем в мои широкие бедра и с кривой усмешкой принялся отчитывать меня, будто провинившуюся:

– Скажу честно, с такой внешностью она могла бы играть в пантомиме «Деревня и прогресс»! Приехала в Париж в платке, брови – совсем как у кавказских извозчиков! Костюм явно из Ташкента, а фигура!.. Да такой толстухе самое место в гареме Абдул-Хамида! Нет, нам придется нанять повозку, чтобы увезти ее отсюда.

Хоть Амина и мои сестры рассердились на его слова и просили Шамси оставить меня в покое, он не унимался. Я же улыбалась, не показывая своей обиды и возмущения. По правде говоря, улыбалась искренне: жизнь была прекрасна, и прямо сейчас я проживала настолько прекрасный ее момент, что даже самые жестокие слова не могли омрачить этого чувства. Вокзальная суматоха, снующие туда-сюда люди, поезда, которые прибывали и отбывали, гул голосов... Меня переполняли счастье и радость от того, что я спустя годы страданий я наконец была спасена. Мне казалось, что я сбежала из темного, заполненного страшными тенями подвала и вышла на залитый солнцем луг.

Тут пробудилась моя писательская страсть, выражающаяся в желании запечатлеть увиденное, и несмотря на внутреннее волнение, я принялась рассматривать сестер, изучая их внешний вид. Зулейха, всегда обладавшая художественным талантом, проделала серьезную над собой работу. Она использовала все цвета радуги на своем лице так, что густо накрашенная Марьям на ее фоне казалась блеклой и невзрачной, явно уступая сестре в навыках макияжа. Туши на ресницах Марьям было так много, что те обвисали, словно придавленные тяжестью снега еловые ветви, яркие румяна и помада выделялись на лице вульгарными пятнами. Я ничего им не сказала, но безвкусный макияж сестер запомнила на будущее.

Зулейха оставалась верной своему художественному вкусу и в выборе одежды: напоминая цветочный горшок шляпка была натянута на глаза, огромные серьги свисали до плеч, а от разноцветных бус на шее рябило в глазах. Разукрашенный пояс повязан не на талии, а на бедрах – по последней моде. Вся суть и характер моей сестры выражались в этом вычурном наряде.

Мы сели в красное такси. Автомобиль был настолько просторным и большим, что мне не пришлось нагибаться, когда садилась. Устраиваясь на сиденье, я отметила, что не проваливаюсь в него, словно в колодезь, – оно было высоким и удобным. Мой багаж, состоявший из всего одного чемодана, поставили рядом с шофером. Начиналось мое великое приключение.

В Париже

Париж... Чтобы в полной мере понять смысл, который я вкладываю в слова «Я В ПАРИЖЕ», нужно хорошенько пострадать в жизни. Нужно долгими мучительными годами мечтать о Париже на другом конце света и ощущать себя чужой в родном городе. Для того, кто столько лет жил и дышал мечтой о Париже, этот город предстает райскими воротами, местом, где мечты сходят со страниц книг, оживают и превращаются прямо на глазах в камни улицы, площади и памятники. В этом чудесном месте расцветают все грезы, их маленькие, уютные мирки плавятся и превращаются в сокровищницу новой жизни.

Будучи по своей природе человеком непостоянным, я все равно остаюсь верна Парижу даже спустя полвека. Однако, как известно, у длительной дружбы есть как положительные, так и утомляющие аспекты. Даже если это дружба с мечтами. О, мечтатели всего мира, здесь я попрошу вас выступить моими свидетелями. Кому как не вам известны блага и горести грез? Благо мечты заключается в том, что она опьяняет – и это оберегает нас от боли в

реальной жизни. В трудный период мечта становится нашим убежищем, превращается в сытную, сдобную лепешку, когда мы испытываем голод. Но она же превращается в зло, когда вдруг осуществляется, оставив с вопросом: «Только и всего?..»

В первые дни в Париже в моей голове вертелась лишь одна мысль: «Именно этого я и хотела». Я была молода, все вызывало у меня любопытство, испытывала надежды на будущее. Даже грязный, покрытый копотью пригород на въезде в Лионский вокзал казался мне чудесным – ведь я приехала в Париж. А потом я увидела прекрасную улицу Риволи, за ней еще более прекрасную, сверкающую, словно хрусталь, Площадь Согласия. Шофера попросили проехать через Елисейские Поля – эта знаменитая улица была куда более красива полвека назад, нежели сейчас. На ней располагались лишь один-единственный магазин – «Герлен»; кафе Селест и Фукс; два дома мод и гостиница «Кларидж» – больше никаких заведений. Этот восхитительный райский уголок обезобразился позже, в период демократизации. Раньше здесь не было весов для продажи конфет, не было на каждом шагу киосков с открытыми платьями, пластиковыми туфлями и пакетиками с арахисом. Не встречались повсюду порнографического вида афиши кинотеатров, обещающие удовлетворить любое пожелание зрителя, независимо от его возраста, пола и предпочтений.

Постепенно, проехав Елисейские Поля, мы добрались до Триумфальной арки – только теперь она означала триумф Парижа надо мной. Затем мы проехали мимо нарядных кварталов на проспекте Буа де Булонь (кажется, уже тогда его переименовали в Фош) и очутились в квартале Мюэт. Здесь,

на улице Луи Буальи, на первом этаже одного из высоких, изящных зданий снимали квартиру мои родственники. Мы жили в этом богатом квартале до тех пор, пока не закончились деньги от продажи мелких драгоценностей, привезенных с нашей родины. Эти ювелирные украшения были ничтожной малостью по сравнению с тем, что обратилось в пепел в костре революции, демократизации, коллективизации и социализации.

Когда мы спускались по проспекту Буа де Булонь к бульвару Лан, передо мной всплыл образ другого бульвара – далекого Бакинского бульвара на берегу Хазарского моря. Годами я прогуливалась по нему среди чахлых деревьев, уносясь в своих мечтах вдаль, а точнее, в Париж. И вот наконец волна революции забросила меня сюда, в город моей мечты. Жить здесь в нищете было для меня лучше, чем богатой там, в городе моего детства. Нет, не подумайте, это не лицемерие с моей стороны. Как я уже писала, еще ребенком, я была влюблена в одного из наших двенадцати садовников – молодого и красивого Рустама. Он был так похож на сказочных принцев из «Тысячи и одной ночи»!.. Мечтала выйти за него замуж и фантазировала, как моя семья обанкротится и мы станем нищими, чтобы моя мечта стать женой Рустама могла сбыться. И вот моя фантазия воплотилась в реальность. Однако грезы о замужестве с прекрасным Рустамом, о том, что я займу место в его сердце, так и остались несбыточными. Вместо него судьба уготовила мне Джамиля, которого я терпеть не могла.

Теперь же у меня не было желания пенять на свою долю, ведь я сама выбрала переезд сюда, вместо того чтобы разыскать Рустама. Верила, что здесь, в Париже, я встречу множество мужчин в сотни раз красивее, изящнее и выше